

Семь дней — 2005. — 11-17 апр. —
с. 64 — 70

ВИКТОР МЕРЕЖКО: «РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ЖЕНЩИНАМИ — НЕ ДЛЯ МЕНЯ»

Виктор Мережко был гордостью
сценарного факультета ВГИКа.
Еще бы, фильм по его, студента,
сценарию — «Слепой дождь» —
получил Гран-при на фестивале
в Монте-Карло! Казалось бы,
дорога в мир кино открыта...
Однако киностудии договор с ним
заключать отказывались наотрез.
А дальше — больше: за молодым
успешным сценаристом
всерьез начала охотиться
московская милиция...

С женой Тамарой. 1996 г.

снял трубку, чтобы отвлечь их внимание что-то пробормотал в нее и... рванул изо всех сил! Всегда был спортивным, накачанным и летел со страшной скоростью, куда там милиционерам до меня. Недалеко, за железной дорогой, был лес, там я и скрылся. Несколько дней мы с Тамарой не выходили из квартиры, не отвечали на звонки, даже не зажигали свет, а потом переехали на другую квартиру... Потом все началось по новой. И так три года.

— *Вы категорически не хотели вернуться домой — туда, где можно было жить не скрываясь?*

— И что я стал бы делать в селе Русская Поляна под Черкассами? Я же хотел работать только в кино, а для этого надо было любыми путями зацепиться в Москве. По провинции я уже наматался. Наша семья сменила 24 места жительства! Я родился в Ростовской области на хуторе Ольгинфельд (Ольгино поле, бывшая немецкая колония), потом мы стали переезжать из одной станицы в другую: в Краснодарском крае, на Ставрополье, в Северной Осе-

тии... Голодали страшно, и когда мамина сестра, тетя Нина, написала маме: «Приезжай, Шура, на Украину, тут жить можно», — да еще предложила нам свою старую хатку, мы тут же отправились к ней — в Русскую Поляну. Там и осели, в самом нищем районе поселка, где кроме мелкой картошки ничего не росло. Все равно это было счастье — ведь это был первый в нашей жизни собственный дом.

— *А почему вашу семью так носило по стране?*

— Да все благодаря отцу, который нигде не мог ужиться. Только устраивались, как его уже выгоняли с работы, снова приходилось собирать вещи... Иван Севастьянович Мережко очень любил выпить и пошуметь — напившись, впадал в гнев, мог даже маме трепку устроить, а уж нас ремнем отгреть или за уши дернуть — как нечего делать. Вообще, по отношению к семье он был абсолютно безответственным человеком, да и делать по дому ничего не умел. А если брался за что-то — получалось из рук вон плохо. Одно время отец был даже печником, но в

нашем селе ему никто заказов не давал — все знали, что у него ничего толком не получится. Поэтому он ходил класть печи в соседние села. Возвращался, бывало, домой, и мать уже по его понурой походке угадывала, что ему опять не заплатили. «Ну надо же, — объяснял, — подожгли в печке солому, а дым не в трубу, а в хату пошел!»

Но при всем том отец очень нравился женщинам. (Я, кстати, весь в него!) Он был человеком колоритным — поджарый, высокий, прекрасно пел и постоянно заводил романы на работе... Каких только приключений у отца не было! Как-то, работая на сепараторном пункте, он закрытил роман с молоденькой лаборанткой и, оставшись с ней наедине, так напился, что они оба упали в чан со сливками. Естественно, его тут же уволили... А однажды отца чуть было не посадили — он тогда устроился сторожем в сельмаг. Так что придумал: из своей сторожки проковырял стенку в магазине, где с противоположной стороны стояла деревянная бочка с вином. Потом проковырял дырку в бочке и вставил в нее трубку. Приходя на работу, отсасывал из трубочки вина, сколько хотел, и засыпал. В результате за несколько месяцев выпил чуть ли не полбочки. Представляете, какой скандал был?! Еле-еле мама отмазала его от тюрьмы... Вообще, мама не раз спасала его. Он же во время войны был в плену и, вернувшись, боялся объявиться, долго прятался в лесу. Мама тайно носила ему еду, а потом ей удалось добыть для него военный билет.

— *Бедная ваша мама, сколько же ей пришлось вынести, чтобы сохранить семью!*

— Она была сильной женщиной — такой квочкой, которая всю жизнь оберегает своих детей. Мощная защита. Нас у нее было четверо. Сестра Нина, инвалид с детства, давно умерла — это был мамин крест, но мама достойно несла его всю жизнь. Брат Владимир погиб 20 лет назад. Нелепая, случайная смерть, мы так и не знаем, что случилось. Он выпивал, и как-то утром его нашли во дворе мертвым... Кто убил, за что?.. Мой младший брат Юра — доктор наук, академик, живет в Днепрпетровске. А меня вот потянуло в кино...

— *Мечта детства?*

— Ну, в раннем детстве я мечтал стать моряком, а потом жутко захотел быть киноартистом. Чтобы быть поближе к кино, попытался поступить в Киевский институт

С дочерью Машей и сыном Иваном

— *Виктор Иванович, правда ли, что вы в молодости были объявлены чуть ли не в розыск, как настоящий рецидивист?*

— Точно так и было. Сейчас об этом говорить смешно, а тогда все было очень серьезно. У меня отсутствовала московская прописка. Временная закончилась, а постоянную давать мне никто не собирался. Ни одна киностудия не могла заключить со мной договор, поэтому я занимался тем, что за гроши переписывал чужие сценарии. Да еще соседи постоянно доносили куда следует... Мы с женой все время были в напряжении. А однажды меня по-настоящему арестовали. Один негодай, которому очень нравилась моя Тамара, посоветовал пойти в районное отделение милиции, сказать начальнику, что я, скажем, от Сидора Петровича Хрюкина, и дать ему пятьсот рублей, чтобы он сделал мне прописку. Я, взяв деньги и свой просроченный паспорт, поперся. Разумеется, меня уже ждали. Начальник положил деньги в ящик стола, нажал кнопку, вбежали его сотрудники и потащили меня в обезьянник. Я понял, что меня ждет в лучшем случае высылка из Москвы, а в худшем — суд. Увидев в коридоре телефон-автомат, стал просить ментов: «Ребята, разрешите позвонить жене, она же с ума сойдет». Разрешили. Я

«Женщина — товар скоропортящийся. Она красива от 14 лет и максимум — до 50. А мужчина интересен от 19 до бесконечности. Особенно если он, как я, следит за собой»

ТЕТ-А-ТЕТ

киноинженеров, но не поступил. А через год отвез документы в Львовский полиграфический институт, просто потому, что под Львовом у нас жила родня. Но о кино все равно продолжал думать и, когда приехал по распределению в Ростов-на-Дону инженером-технологом в издательство «Молот», сразу записался в любительскую киностудию при Дворце культуры. Мы делали все: писали сценарии, снимали фильмы, играли в них. Там я понял, что мне нравится сочинять разные истории. И ведь получалось! Но все равно тайная страсть к лицедейству у меня осталась, и, когда появилась возможность, я стал с удовольствием сниматься — у меня уже больше 10 ролей. Актер я послушный — на площадке полностью подчиняюсь режиссеру.

— **И так же безоговорочно доверяете режиссерам свои сценарии?**

— Стараюсь не вмешиваться в их работу. Тем более что мне везло с ними — я работал с Мельниковым, Балайном, Кончаловским, Криштофовичем, Михалковым, с которым, между прочим, я недавно помирился, хотя до этого лет 15 не разговаривал... Грех жаловаться... Да и сам я всегда делал то, что хотел, — у меня более 50 сценариев, а сейчас заканчиваю вторую картину как режиссер... Режиссура оказалась довольно тяжелой работой. Устаю страшно, но утром, просыпаясь, радуюсь тому, что поеду на съемку.

— **Значит — прощай, киноматургия?**

— Что вы! У меня уже есть два новых договора — на 12-серийную картину «Сонька Золотая Ручка» и пьесу для театра. Не писать я не могу, это же моя жизнь.

— **Скитаясь по съемным квартирам, могли себе представить такое блестящее будущее?**

— А почему нет? Я всегда был уверен в себе. Ехал в Москву, твердо зная, что поступлю во ВГИК, и сдал экзамены лучше всех. А когда я за взятку получил, наконец-таки, прописку (до сих пор с ужасом и со стыдом вспоминаю все, что было с этим связано), киностудии сразу выстроились в очередь за моими сценариями. И понеслось! «Здравствуй и прощай», «Одиножды один», «Трын-трава», «Вас ожидает гражданка Никанорова»... Меня четыре года признавали лучшим сценаристом Совет-

ского Союза и в качестве премии вручали пишущие машинки. Эти четыре машинки до сих пор стоят у меня. Из первых гонораров я купил маме телевизор, а теще отдал долг. В свое время она очень выручала нас с Тamarой — за три года я набрал у нее в долг более пяти (!) тысяч рублей, для того времени — огромные деньги... Теща у меня была классная. Это при том, что сначала она категорически возражала против нашего брака и отговаривала Тamarу: «Думай головой — он студент, живет в Москве, ты здесь, в Ростове, а что дальше?» И в принципе она была права — отчим Тamarы работал в рыбнадзоре, у них была обеспеченная, даже богатая семья — свой особняк в центре города, «Волга»... А я нищий студент, все богатство — двое штанов. Если бы не моя сумасшедшая любовь, наш брак обязательно распался бы.

— **Как произошло знакомство с будущей супругой?**

— В Ростове по вечерам мы с приятелями выходили гулять на центральную улицу. Естественно, высматривали молодых девчонок. Самой красивой там была Тamarочка Захарова. 16 лет, сама как вишенка — миниатюрная, женственная, смугленькая, голубые глаза и черные волосы. Мы тарасились на нее во все глаза, все мужики были от нее без ума... Короче, я сразу влюбился, попробовал подкатиться к ней, но никакого отклика не получил и стал приглядываться к другим девчонкам. Потом уехал учиться во ВГИК. А год через полтора приехал на каникулы. Помню, пришел к ним домой и... сделал Тamarе предложение. А у нее как раз разладились отношения с ее кавалером, так она взяла и согласилась. Мы втихаря отнесли заявление в загс, а потом сообщили ее маме и отчиму... Свадьба по советским меркам была роскошной — «волги», лимузины, ресторан на 200 человек... Единственное, что мучило меня, — я постеснялся пригласить своих родителей. Мама, когда узнала о моей женитьбе, сказала: «Витя, ну что я поеду, у меня два платья всего, зачем мне тебя позорить?» И я не стал ее уговаривать, стыдно до сих пор... Ну, а тогда, после свадьбы, Тamarа перешла на заочное отделение — она училась на биофаке местного университета — и переехала ко мне в Москву. Сначала мы

жили в общежитии, а потом, как я уже рассказывал, снимали комнаты...

— **Наверное, домашней девочке непросто было привыкнуть к кочевой жизни...**

— А вы как думаете?! Помню, я взял ее с собой на практику во Львов, снял комнату, а в ней — клопы. Так как Тamarа в жизни их не видела, сразу — истерика, слезы. Или заходим в кафе, и она никак не может понять, почему нельзя заказать дорогую отбивную. Ей же хочется! Да еще она ярко красилась, мы выходили гулять, мужики на нее оглядывались, нагло клеили. Тут уже я напрягался. Короче, наши скандалы мне так тогда надоели, что я сказал: «Езжай назад в Ростов». Какое-то время пожили отдельно. Потом она звонила, плакала и наконец снова приехала ко мне в Москву... Знаете, когда я точно понял, что у меня сложится семейная жизнь? Когда Тamarа одна съездила к моей маме в Русскую Поляну. Нишета у нас там была — не пересказывать. И я очень боялся реакции жены. Но Тamarа оказалась потрясающей умницей. Увидела мою маму — такую простую тетку, увидела нашу бедную хатку и сразу оценила ситуацию. Закачала юбки, помыла полы, отмыла газовую плиту, приготовила еду и уже к вечеру совсем там освоилась. Когда месяц спустя приехал я, у нее с мамой была абсолютная дружба. Вокруг все блестит, занавесочки выстираны, а на Тamarе — новая юбка, сшитая из маминых домотканых ковриков.

— **А почему вы вместе с женой не поехали?**

— Я в это время был на практике, к тому же мне захотелось поэкспериментировать — забросить ее одну к маме и посмотреть, что из этого выйдет. Мама, которая могла быть жесткой по отношению к чужим, Тamarу сразу приняла. Других своих невесток она не принимала категорически, а мне всегда говорила: «Витя, как же тебе с женой повезло!» А теща говорила Тamarе: «Доченька, береги Витю...» С тещей у меня отношения всегда были замечательными. Знаете, ведь героиня Мордюковой в «Родне» списана во многом с нее. Вернее, с двух женщин: характер — с маминой сестры Маруси, а личная драма — это история тещи. Отец Тamarы был летчик — красивый, видный мужчина. Он бросил их, когда дочка была совсем маленькой. Тamarин

«Когда жена ушла из жизни, я сказал детям: «У вас никогда не будет мачехи». И сдержал слово»

на мама вышла замуж, но все равно продолжала любить своего Вадима. Вадим Михайлович жил в Москве недалеко от нас, и, когда теща приезжала к нам в гости, она шла к его дому и ждала там — может, он выйдет...

— *Тамара поддерживала отношения с отцом?*

— Один раз мы с ней поехали к нему, но его жена непустила нас в квартиру. Вадим Михайлович спросил из комнаты: «Кто пришел?» — «Да какая-то самозванка, называет себя твоей дочкой». И он не вышел посмотреть на дочь...

— *Часто вы вот так характеры и судьбы своих близких переносили на экран?*

— Случалось. «Полеты во сне и наяву» — это история моего покойного брата. Он метался, так же, как герой Янковского, не мог найти своего места в жизни, так же работал в каком-то конструкторском бюро... А героиня Людмилы Зайцевой в «Здравствуй и прощай» — это по характеру моя мама, ее даже зовут Шура. Все в Русской Полиции ее узнали. Это было событие — Витя Мережко кино снял про маму! Мама вообще страшно гордилась мной, как-то даже специально поехала в Черкассы, когда там шел мой фильм «Одиножды один», и как заправский зазывала стояла перед кинотеатром, расхваливала: «Такой хороший фильм, такой смешной!» Говорила мне потом: «Витя, мне так хотелось, чтобы люди его посмотрели, прочитали нашу фамилию в титрах...»

— *Мама так и осталась жить в том селе?*

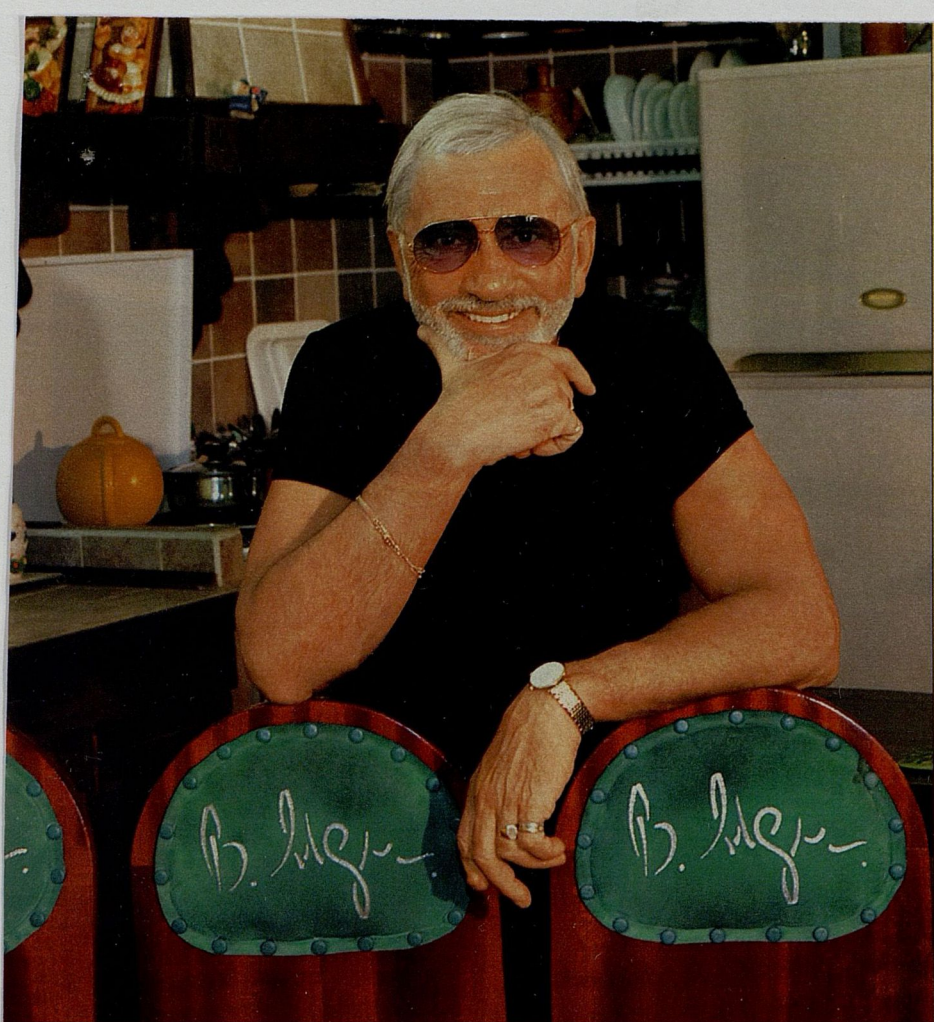
— Да, я хотел ее к себе забрать — у нас тогда была маленькая однушка в Теплом Стане и как раз родилась Маша, но мы разместились бы. Мама приехала к нам погостить, но остаться в Москве навсегда отказалась — чувствовала себя здесь совершенно потерянной. Все смотрела в окно и просила: «Витя, отпусти меня домой, мне тут скучно, я умру. А дома я хоть курей покормлю, козу подою...»

— *Одна комната, жена, маленький ребенок. Не трудно было работать творческому человеку?*

— Устраивался как-то. Иногда ставил домоуправу бутылку, он давал ключи на вечер, и я работал в помещении ЖЭКа. Или дома садился на унитаз, а пишущую машинку ставил на колени. Сортир был вполне сносным рабочим кабинетом! В то время у меня появились и «Вас ожидает гражданка Никанорова», и «Трясина», и «Трын-трава». Я понимал, что, если Господь дал мне шанс, я обязан его использовать. Это свойство моего характера — у меня не бывает депрессии и всегда есть желание работать. Я счастливый человек.

— *Какие же самые счастливые моменты были в жизни у счастливого человека?*

— Поступление во ВГИК. Женитьба. Фильм «Здравствуй и прощай», после которого я понял, что стал драматургом. «Родня». Моя лучшая картина «Полеты во сне и наяву». Режиссура. И, конечно, рождение Маши и Вани, который, кстати, не был у нас запланирован. Я даже, пусть Господь меня простит, поначалу не являлся сторонником его рождения. Но Тамара

сказала: «Витенька, это мой ребенок». И появился на свет классный парень. Сейчас наш сын — богатырь, ростом метр девяносто два... Вообще у нас была совершенно счастливая семья. Тамара сначала работала в институте Вишневского, а когда появились дети и я стал хорошо зарабатывать, занималась только детьми и хозяйством. Она была блистательной хозяйкой и мудрой, нервнивой женой, хотя поводы у нее, конечно, были — я же в отца. Но я не из тех мужчин, которые могут уйти от своей жены. Да, я мог увлечься, но немедленно срывать стопор: «Ты что, дурак? У тебя жена и дети!» И я быстро обрывал связь.

— *Какой же тип женщины мог вас увлечь?*

— Не знаю, это все чистая чувственность. Люблю красивых женщин, но почему мне понравилась эта, а не та — не знаю. Все интуитивно. И никогда не строю романтических отношений, не ношу цветы под дверь, не кричу под окнами: «Любимая! Выгляни, я стою здесь!» Все гораздо прагматичнее, я — рационалист. И семья всегда оставалась для меня на первом месте. У нас дома и скандалов-то настоящих не было — таких, чтобы хлопнуть дверью, обижать друг друга... Никогда! Единственно, мне не нравилось, что Тамара так баловала Ваню. Она его просто обожала. Скажем, я сердился: «Почему ты за Ваню делаешь уроки?» — «Витенька, иди к себе в мастерскую, работай. Дай мне с сыночком посидеть». Как будто чувствовала, что ей недолго осталось быть с ним... Тамаре было всего 52 года, когда она умерла. Долго болела, я был готов к тому, что она уйдет, и заранее знал, как построю свою жизнь без нее. На похоронах сказал детям: «У вас никогда не будет мачехи». И сдержал слово, хотя однажды чуть было сдуру не забыл об этом обещании. А это было бы драмой для всех, и для моей девушки тоже. Но мои ребята сказали: «Если любишь нас по-

прежнему, пожалуйста, не делай этого». Они правы. Три составляющих моей жизни — работа, дети, я сам. Затеять новую жизнь, подстраиваться под кого-то, кому это нужно?... Я хочу делать только то, что хочу. Меня, допустим, злит, если женщина начинает качать права: «Почему ты со мной не поговоришь? Почему мы никуда не ходим?»

— *Неужели Тамара никогда так не держала вас?*

— Только в первое время, а потом все изменилось. Я звал ее куда-нибудь, на ту же «Ник», президентом которой был, она постоянно отказывалась: «Витенька, ты иди, солнышко, а я посижу с детьми». Я злился и часто ходил на тусовки один, как холостяк. А после смерти Тамары я остро понял, что теперь моя семья — это мои дети, и другой семьи мне не надо. Хотя, случалось, молодые женщины активно намекали мне, что не прочь выйти за меня замуж. Один мой роман был достаточно длинным — почти три года. Как всегда у меня, это была любовь с первого взгляда. Если я начинаю долго пристраиваться к человеку, то теряю азарт и уже ничего не случается. А в тот день я шел с товарищем из ресторана Дома кино, увидел на Маяковке девушку, у которой сломался каблук, и стал приставать к ней. Получил отпор. Но она мне понравилась, да еще я был поддатый, и это меня только завело. В конце концов мы пошли на дискотеку, там выступала группа «Несчастный случай». Ее лидер Алексей Кортнев меня узнал: «О, Витя Мережко!» Моей даме такое внимание польстило. И понеслось... Сначала все было прекрасно, а потом я стал тяготиться нашими отношениями. Она начала вешать на меня свои проблемы, это раздражало, у меня и своих было достаточно. В итоге она поняла, что я бесперспективен. Ей же нужна была семья, она и так потеряла со мной три года, а это много.

— Потеряла? А может быть, любовь, даже недолгая, — это приобретение? Все-таки три года счастья...

— Нет, что бы там женщина ни говорила, для нее это, по сути, потеря. Когда наш роман закончился, ей было уже 28 лет. Для женщины — возраст критический. Женщина ведь — товар скоропортящийся, она увядает намного быстрее, чем мужчина. Женщина красива от 14 и максимум до 50 лет, тогда как мужчина интересен от 19 и до бесконечности. Особенно если он следит за собой. И потому я всегда оправдываю женский прагматизм — у них не так много времени для того, чтобы взять свое. И затевать длительный, бесперспективный для женщины роман — значит воровать у нее личную жизнь.

— Ваши дети уже обзавелись своими семьями?

— Маша дважды была замужем, но детей пока нет. Она из женщин-одиночек. Очень сильная девушка, которой нужен сильный мужчина. А ей все время попадались довольно слабые... Дочка четыре года училась в колледже в Бельгии, потом — в Брюссельском университете, но жить там не захотела. Я ее отправил за границу, когда ей было 17 лет, потому что тогда ее интересовали только Пушкинская площадь, тусовки, концерты модных групп, и я боялся, что она попадет в какую-нибудь неприятную историю. Из Бельгии она вернулась совершенно другим человеком. Сейчас постигает азы бизнеса в Академии предпринимательства.

А Ваня проучился год в РАТИ и ушел оттуда. У него не сложились отношения с мастерами, и он сказал: «Если хочешь иметь большого сына, заставь меня идти на второй курс». Конечно, я не стал настаивать. По характеру Ваня — человек мягкий, покладистый, но с неожиданными вывертами. В результате он поступил в институт дизайна. Вообще мои дети не чужды лицедейства: Маша снялась в шести сериях «Клубнички», а Ваня — в сериале «Крот». Потом поработал помощником режиссера и художником-декоратором на моих картинах. Так что, наверное, будет серьезно заниматься кино. Работником он оказался блистательным — исполнительным, обязательным, скромным. Золотые руки и золотая голова... Вообще, повторю, Господь Бог ко мне милостив.

«Если в душе появляется тревога, я говорю сам себе: «У тебя работа есть? Дети здоровы? Ты нравишься женщинам? Коллеги уважают? Крыша над головой есть? Денежки есть? Так что тебе еще?!»

— Вы признались, что по характеру вы — рационалист, жизнь свою тоже заранее спрограммировали?

— Пока была жива Тамара, программа у меня была одна — зарабатывать деньги, обеспечивать семью. И за моими сценариями стояла очередь. А последние лет восемь моя программа одна — жить со своими близкими в атмосфере доброты. Доброта и доверие — вот главное. К сожалению, многие, живя в стрессовом состоянии, становятся рабами стресса, начинают нуждаться во взрывах, скандалах. Взорвутся, поорут и вздохнут: «Господи, как хорошо-то!» Как инъекцию себе сделают. Это страшно.

— Трудно поверить, что вы сами себе таких «инъекций» никогда не делали.

— По молодости тоже орал, конечно, мне это даже нравилось. Но Тамара стала

мне говорить: «Витенька, ну что ты кричишь, это тебе не идет». Я сначала злился — меня не понимают! А потом понял, что Тамара права. Она меня все-таки воспитала, я стал другим человеком. Более спокойным, уравновешенным, с большим чувством достоинства. Теперь, после смерти Тамары, когда у меня временами появляется необъяснимая тревога в душе, я подхожу к окну и говорю сам себе: «У тебя работа есть? Крыша над головой есть? Дети здоровы? Ты нравишься женщинам? Коллеги уважают? Денежки какие-то небольшие есть? Так что тебе еще?!» Жизнь прекрасна... Нельзя терять ощущения счастья от того, что ты просто живешь на этом свете...

Тамара СЕРГЕЕВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА